

УДК 572.027

DOI: 10.17223/2312461X/20/7

«РЕСУРСНОЕ ПРОКЛЯТИЕ» И СТРАТЕГИИ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НА ОСТРОВЕ ИТУРУП

Алевтина Сергеевна Бородулина

Аннотация. Рассматриваются особенности политик и практик потребления в квази-закрытых сообществах приграничных военных городков (действующего и расформированного) на Курильских островах. Расположенные на удаленных территориях, приравненных к территориям Крайнего Севера, изолированные формально (действует внутренний визовый режим) и территориально (низкая транспортная доступность), эти городки были изначально поставлены в ситуацию почти полной зависимости от распределяемого ведомственного ресурса. Во время «расцвета», которое выделяют сами информанты, ресурс распределялся в обмен на лояльность; в постсоветское время мы можем наблюдать трансформацию общественного договора, ограничение предоставляемого ресурса и адаптацию местных жителей к новым паттернам ресурсного обеспечения местных же потребительских практик, выработку местным населением новых стратегий жизнеобеспечения. Одним из инструментов адаптации становится кооперация с привлечением цифровых методов, которую автор предлагает обозначать как «мессенджерный поворот», характерный в разной степени для всего региона, но в представленных кейсах проявляющийся особенно выразительно. В указанных городках складываются уникальные квазирыночные отношения между жителями, а между гражданской, военной властью и местными жителями разворачиваются специфические конфликты вокруг возникающих потребительских практик и ресурсного обеспечения.

Ключевые слова: Сахалин и Курильские острова, военные городки, закрытые общества, «ресурсное проклятие», стратегии жизнеобеспечения, политики потребления

Сахалинская область и Курильские острова относятся к регионам классического «ресурсного проклятия». Богатые месторождениями нефти, газа, золота и редкоземельных металлов, а также ценными промысловыми ресурсами – красной рыбой и осетровыми в своих водах, эти острова демонстрируют парадоксальные (и полностью укладывающиеся в концепт «ресурсного проклятия») примеры недостатка инфраструктурного развития¹. Сверхприбыль от ресурса, как это часто бывает в таких регионах, не распределяется в пользу развития остальных отраслей местной экономики, но провоцирует экономический дисбаланс и имущественное расслоение между теми, кто участвует в распределении ресурса, и теми, кто отстранен от этого процесса; экономические и социальные отношения оказываются во многом детерминирова-

ны отношением акторов к ресурсу. В этом контексте интересно положение закрытых военных городков, которые, с одной стороны, существуют в данном экономическом ландшафте в качестве обособленных включений, а с другой – ярко демонстрируют дисбалансы сложившихся социально-экономических отношений.

В данной статье предпринята попытка проанализировать ситуацию, которую я наблюдала в расформированном военном городке Горный (в настоящее время официально село Горное, но я в этой работе вслед за информантами использую прежнее его название) и в действующем военном городке Горячие Ключи с точки зрения «политик потребления». На базе кейса Горного я попытаюсь продемонстрировать, какие практики могут складываться в военных городках на удаленных территориях в ситуации, когда они оказываются отрезанными от административного ресурса.

Антропологическое исследование стратегий жизнеобеспечения и потребительских практик в военных городках закрытых приграничных территорий ценно еще и тем, что столь активно разрабатываемая в последнее время в антропологии тема «политик потребления» практически не уделяет внимания авторитарным режимам и тем более режимным поселениям (Fulbrook 1997; Heldmann Ph. 2001), хотя именно это поле может принести уникальные примеры потребительских практик.

Специфика военных городков заключается в том, что построенные на неосвоенных приграничных территориях, иногда, как в нашем случае, в регионах Крайнего Севера и приравненных к ним, они могли существовать только за счет организованного «снабжения», в отрыве от окружающей инфраструктуры. Это создавало закрытые сообщества (с принудительной внутренней ротацией членов сообществ), спроектированные и регулируемые государством (Bohn 2006; Kutepova, Tsepilova 2007), со своей уникальной системой привилегий, продуктовым и жилищным обеспечением, что искусственно вырывало их из контекста местной экономики. В рамках этой системы, основанной на обособленном распределении производимых в стране ресурсов, устанавливался необходимый консенсус между властью и теми категориями граждан, на которые она опиралась (Zaslavsky 1982).

Сегодня научные и ядерные городки «открыты» и являются преимущественно предметом исторического исследования. Некоторые практики закрытых поселений сохранились разве что в так называемых военных городках, распространенных в современной России, но и они активно переводятся в статус «открытых» и даже гражданских. Военные городки Горячие Ключи и Горный сохраняют черты закрытых сообществ не в последнюю очередь потому, что находятся в пограничной зоне, доступ в которую ограничен внутренним визовым режимом².

Сравнение стратегий жизнеобеспечения населенных пунктов Горный и Горячие Ключи строится на том, что Горячие Ключи (далее в скобках при атрибуции информанта обозначаемый как ГК) остаются «рядовым» военным городком, а Горный (который теперь официально обозначается как «село») оказался в уникальном «маргинальном» положении. В 1994 г. на острове произошло землетрясение, и Горный должен был быть расселен³, но он вопреки всему остался обитаемым. Сейчас там живут в основном бывшие и действующие военнотруженики, часть в своих квартирах, часть как сквоттеры; иногда там селятся военные из соседних частей, которым не хватило места в Горячих Ключах; здесь в конечном итоге оказываются и те, кто приехал на Итуруп на заработки и остался ни с чем: квартиры невозможно продать и купить, но можно «продать ремонт» (так как Министерство обороны обладает монополией на собственность в военном городке, но уже не контролирует пользование ей, складываются такие квазирыночные отношения: продается неформальное право проживать в квартире под видом компенсации за проведенный в ней ремонт предыдущими обладателями этого права) перед тем, как уехать с острова (И.Г., Бийск / Горный). Формально земля в Горном и всё находящееся на ней принадлежат Министерству обороны, но городок, по заверениям моих информантов, уже не числится на балансе, поскольку не является действующим. Официальное положение Горного крайне запутано за счет того, что гражданские и военные власти «перебрасывают» друг другу Горный как объект, который ни один из стейкхолдеров не желает встроить в свою систему распределения.

Locus claudi

Мое исследование проходило на острове Итуруп, в пограничной с Японией зоне, как часть исследовательского проекта, посвященного изучению феномена «ресурсного проклятия» на циркумполярных территориях⁴. Итуруп – это малонаселенный остров⁵ со значительной долей сезонной трудовой иммиграции, связанной с работой компании «Гидрострой», которая занимается строительством объектов местной гражданской и военной инфраструктуры, добычей рыбы и красной икры и туристическим бизнесом, концентрируя в своих руках всю значимую экономическую активность на острове. Помимо формальных ограничений для доступа на остров⁶, его изолированность усиливается дороговизной билетов⁷, нестабильностью авиасообщения из-за погодных условий и частых поломок на пассажирском корабле⁸. Монополизирующая туристическая отрасль вкупе с транспортной ценовой политикой делают местный туризм невыгодным даже для жителей близлежащего острова Сахалин. Сам остров Итуруп, таким образом, представляет собой в некотором роде закрытое сообщество, а местные по-

требительские практики напоминают те, что существовали в экономических закрытого типа (Heldmann 2001). При этом и сами военные городки оказываются довольно изолированными локальностями: регулярное транспортное сообщение отсутствовало между административным центром и Горячими Ключами; в Горный же ведет только военная дорога, «стратегичка», которую «можно использовать только если у тебя есть танк» (П.М., Хабаровск / Горный), обычно добираются на джипе по отливу по берегу океана, что может быть опасно, особенно в случае тумана (Мага, Дагестан / ГК). Сами информанты рефлексируют это состояние как чувство «заброшенности», что они «предоставлены сами себе» («если что-то случится, скорая сюда не приедет; можно попытаться найти машину, подождать отлива и еще через 5 часов быть в Курильске... Мы здесь как на заброшенной полярной станции» (Г.Н., Орел / Горный).

Быть предоставленными самим себе в этом случае, однако, сочетается с глубокой зависимостью от распределяемого властью (местной и министерством обороны) ресурса. Зависимость от «государства» усугубляется тем, что изначально военные городки были спроектированы как обеспечиваемые организованным снабжением; военный городок Горный получал регулярно все необходимые товары, продукты, медикаменты и материалы через близлежащий аэропорт «Буревестник» (сейчас практически не используется), что удовлетворяло базовые потребности местного населения, он же использовался полулегально для пассажирской коммуникации (об использовании вертолетов военных «по договоренности» для перелета на Сахалин мне рассказывали старожилы Горного).

Locus Laetitiae

В позднесоветское время такие закрытые городки были «местом счастья», т.е. искусственно созданными островками изобилия в системе плановой советской экономики, особенной заботы государства, сопряженной с ощущением особой значимости своей деятельности для каждого жителя научного, пограничного, военного или ядерного городка; сейчас они становятся предметом для ностальгии (Bohn 2006). Особенно это справедливо в отношении новых, строящихся с нуля городов, в которых само общество было продуктом проекта советского «просвещения»: молодые, высококвалифицированные люди, которые отправлялись заселять «новый свет» и строить собственное будущее и свой город своими же руками, осознавая важность собственного жизненного пути в масштабах всей страны – делали ли они прогресс в науке или охраняли рубежи необъятной Родины⁹. В буклете, созданном работниками детского сада Горного в честь 70-летия Курильского района, где сотрудницы собрали

друг у друга интервью с историями их семей в контексте жизни в городке, каждый личный нарратив старожила содержит описание «золотого века» Горного. Сам по себе этот буклет представляет собой замечательный пример автоэтнографии и одновременно попытку сконструировать светлый образ будущего через образ прошлого и через частные истории. Цитаты приводятся с разрешения составителей:

«В те годы, как и сейчас, жили люди военного контингента и гражданского населения. Подавляющее большинство составляли люди молодого возраста. Концерты самодеятельных артистов, тематические вечера, танцы и другие культурные мероприятия были для нас лучшим развлечением. Жили и служили не только профессионалы своего дела, но и были весьма образованными людьми. Они наизусть знали стихи советских и зарубежных поэтов, пели, были душой компании. Им были хорошо известны музыкальные инструменты, а особенно такой, как гитара. Для любителей читать работала библиотека» (Л.Н., Шымкент / Горный, Курилы в судьбах и лицах, 2016).

Такой образ складывался и из моих бесед с информантами, которые были также склонны описывать действующий военный городок как место «коммунального рая»: даже если они рассказывают, как делили квартиры с двумя другими семьями или жили в землянках, пока строили новые дома, это преподносилось не как тяготы быта, а как время, когда не было личной изолированности, была активная социальная жизнь. Они описывают дни рождения, Новый год и 8 марта как главные городские события, а весну, например, как время, когда столы выставлялись на улицы для общего празднования, и даже в сравнении с комфортной московской жизнью Москва проигрывает Горному того времени по субъективному ощущению «счастья» (Ю.Ю., Горный / Москва).

«Народу здесь было в то время¹⁰ очень много, и всем всего хватало, хотя вареная колбаса была страшным дефицитом, но никто не жаловался, даже когда в мае заканчивалась картошка; а ещё было время “сухого закона”, и нормально, дружно все жили, вообще скучать было некогда» (Л.М., Дербент / Горный, Курилы в судьбах и лицах, 2016).

«В торговле было настоящее изобилие. Товаров привозили много и в большом ассортименте. Конфеты московские, сгущенка, нескольких наименований и сортов колбасы и мясо. Без очереди можно было купить в магазине импортную и отечественную обувь и одежду... Хозяйственные и промышленные товары, продуктовый ассортимент на склады завозились грузовыми судами с весны до осени. Хранились на складах Военторга. Скоропортящиеся продукты в ограниченном количестве завозили самолетами» (Л.Т., Шымкент / Горный, Курилы в судьбах и лицах, 2016).

Старожилы Горного связывают образ «счастья» с уровнем культурного потребления, хотя и упоминая о наличии различных «дефицитов»,

бытовой неустроенности («полчища тараканов» (Л.М., Дербент / Горный), крыс, которые «всегда вели себя на острове, как хозяева. Итуруп и переводится с японского как «остров крыс» (Ю.Ю., Горный / Москва)). Образ благополучия связан с наличием «третьих мест», публичных пространств и городских сообществ, а также с окружающим «диким» ландшафтом, который тоже был «местом» коллективной активности: вспоминают женский клуб «Курильчанка», любительские спектакли и тематические вечера, местный оркестр, фотоателье, кино-театр и кафе, туристические походы и рыбалку (Г.А., Бийск / Горный; Л.М., Дербент / Горный; А.Л., Забайкалье / Горный) Примечательно, что сохранение высоких стандартов культурного потребления было одним из рефлекслируемых инструментов совладания с «изоляцией»:

«Детей старались растить так, чтобы они не чувствовали себя чем-то обделенными вдали от цивилизации. Покупали им диафильмы, игрушки, книги. Сами сочиняли сказки, сами рисовали к ним картинки» (Л.М., Дербент / Горный, Курилы в судьбах и лицах, 2016).

С точки зрения отношения государства и граждан, ситуацию 80-х гг. в военных городках можно было бы описать как определенный социальный контракт, с формулой «обеспечение в обмен на лояльность»; объективное снижение уровня жизни в материальном отношении в первые годы строительства Горного воспринималось как необходимая жертва и издержка «начинания с нуля», а не как нарушение контракта; «Военторг» был каналом изобилия, который связывал физически отдаленный форпост с остальным советским миром, привозя «московские конфеты» и даже «иностранные товары». Справедливость построенного мира отражается и в подчеркнутом внимании к «чистоте», которая была раньше в Горном (на контрасте с тем, как люди вынуждены жить сейчас). Конструируемый образ «светлого прошлого» в современном модусе «выживания» и сопротивления стал мощным источником мотивации борьбы за существование Горного, которая во многом и выглядит как борьба за возобновление этого социального контракта.

Locus Patientiae

Те, кто переезжал в Горный в 2000-е, увидели его уже совсем иным:

«Я прилетела сюда за мужем, на руках у меня было двое маленьких детей. Когда я увидела город, мне захотелось развернуться и лететь обратно. Первые полгода я плакала» (Ю.М., Казань / Горный). Ее супруг описывает Горный схожим образом:

«Я зашел на Централку, осматриваюсь и говорю: ого, если здесь такой замечательный полигон, то как же выглядит сама часть? Выглядело все так, как будто здесь отрабатывают стрельбу в условиях города. А мне говорят, так это и есть часть» (П.М., Хабаровск / Горный).

Местам счастья было суждено стать местами терпения – через перестройку и развал СССР и последовавшее за ним землетрясение 1994 до настоящего времени. В конце 80-х гг. информанты вспоминают «унижающие человеческое достоинство очереди»:

«Заварка, зубная паста, конфеты – все выдавалось поштучно. Например, на семью с двумя детьми выделялось по 200 грамм конфет и по два куриных яйца в месяц» (Л.Т., Шымкент / Горный, Курилы в судьбах и лицах 2016).

«Здесь всегда было непросто, но мы жили верой в то, что мы делаем, и в то, что трудности преодолимые. А потом жизнь затрепала по швам: рухнула страна, расформировали авиаполк, землетрясение. Все можно было бы легко восстановить, но жизнь шла уже не в этом направлении. Стали добывать» (Т.Л., Брянск / Горный).

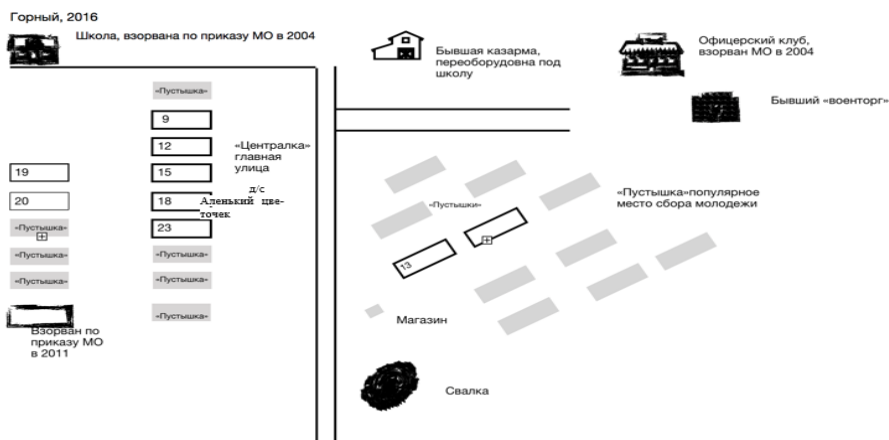
Горный тогда еще не перестал быть действующим военным городком, поэтому воспоминания о перестройке и дефиците встраиваются в светлую картину «упорядоченной» жизни, когда горожане еще находились «под опекой» государства.

«В 1992 Горный... был густо населен, чисто убранный и обустроен. Из магазинов существовал лишь Военторг. Снабжение происходило так: один раз в год на склады Военторга приходил корабль, привозил продукты питания, одежду и обувь. Это было время многочасовых очередей и повального дефицита. Продукты четко распределялись. Например, на одну семью полагалось 3 куриных яйца и полкурицы... Несмотря на трудности, все жили дружно и весело, одной семьей» (С.Т., Одесса / Горный).

В этом контексте описывается и травматический опыт землетрясения 1994 г., который Горный пережил как солидарное сообщество: *«Землетрясение не затухало несколько недель. Мы боялись возвращаться в дома, а палаточный лагерь почти сразу же смыл тайфун, и люди неделями стояли у костра. Мы с соседкой пекли хлеб и раздавали мальчишкам, а те относили остальным. Так за неделю у нас ушел мешок муки. Те события очень сплотили людей»* (Л.М., Дербент / Горный).

Но очевидно, что к тому моменту сменился один из участников старого социального контракта, и новое государство, скорее, было нацелено на минимизацию собственных издержек и отказ от обязательств своего предшественника. Более того, оно не торопилось обговаривать условия нового сосуществования. Пострадавшие от землетрясения дома были решено разрушить. По словам информантов, это обосновывалось тогда соображениями «безопасности»: им объявили, что здания могут обрушиться и их необходимо снести; при этом о том, когда дома и объекты инфраструктуры будут восстановлены и будут ли восстановлены вообще, речи не шло. Предшествующий социальный контракт, с точки зрения самих жителей, был односторонне и «несправедливо»

«Их строили по специальному проекту с учетом местной сейсмической активности. Ну это смешно, они как стояли, так и стоят. Но у нас тут военные, а не маляры, поэтому вопросы решаются взрывчаткой» (И.Л., Горный).

Подписаны так называемые пустышки, полностью заброшенные дома, инфраструктурные объекты (школа, магазин «Военторг»), важные общественные локации. Жирной смазанной линией показаны дома, разрушенные специально по приказу Министерства обороны, остатки строений представляют собой руины из бетона и арматуры. Видно, что общественные строения были разрушены в 2004 г., а в 2011 г. взорван один из домов в непосредственной близости от жилой зоны

«Вот, лежат горы арматуры и бетона, уже больше 10 лет, в самом центре городка. И вот еще. Чтобы детям было где безопасно играть, видимо» (Ю.М., Казань / Горный).

Действительно, школу жители разместили в опустевшей казарме, и плац перед ней, который теперь выступает в роли физкультурной площадки, расположился между руинами.

Этот отказ от исполнений обязательств происходил не только без попыток достичь какого-либо консенсуса, но, напротив, с максимальным «расчеловечиванием» отношений и принимаемых решений. Сотрудники детского сада вспоминают, что в день взрыва дома-пустышки не проводилось ни эвакуации, ни хотя бы инструктажа, жителям только приказали оставаться дома:

«Внезапно врубил сирену, и я только успел занести детей в ванную»¹¹, как раздался взрыв, нашу воспитательницу порезало осколками стекла, все повывлетало от взрывной волны» (И.Л., Горный).

Locus Latens

В 2017 г. Горный – это, как назвал его фотограф Олег Климов, город-призрак¹², в котором отмерли черты города: здесь не убирают снег и не вывозят мусор, пекарня и санитарный пункт стоят разрушенными. Общим городским пространством здесь можно считать разве что детскую площадку перед детским садом, куда приходят и мамы с маленькими детьми, и уже подростки школьники. Магазины и почту таковыми назвать сложно, так как последние либо представляют собой переделанные квартиры на первом этаже (где продают товары через импровизированную форточку, переходя в режим «ночник», т.е. ночной ларек), либо переделанный грузовой контейнер. Второе публичное пространство – закрытый «Военторг», который по выходным превращается в «кабак», как его называют местные: после того, как в соседнем городке Горячие Ключи закрыли дом офицеров, солдаты стали приезжать пить в Горный.

Жители знают, что на Дальний Восток и на Итуруп¹³, в том числе, выделяются большие средства, они читают в СМИ отчеты о том, как на острове решено построить дополнительные военные городки и как здесь ремонтируются дороги¹⁴. Диалог участников социального контракта становится невозможным, так как они начинают существовать в «параллельных вселенных». Как припоминает однажды встречавшийся с тогдашним министром обороны Ивановым информант П.М., первый во время визита на «Буревестник» (военный аэродром возле городка Горный) предложил устроить в зале ожидания аэропорта интернет-кафе, «чтобы солдатики писали письма родственникам»:

«Тогда я понял, что Иванов не из Москвы к нам прилетел, а прямоком с Луны свалился» (П.М., Хабаровск / Горный).

Существующий вариант неустановимого диалога с властью отобразился в элементе местного городского фольклора. Информанты расска-

зывают примерно одну историю в ответ на вопрос о том, когда городок официально вывели из ведомства Минобороны, а именно после визита Сергея Иванова¹⁵:

«Иванов полетел над нами на Буревестник на вертолете, и спросил – а что это там внизу за развалины? И ему ответили, что, конечно, все в порядке и там давно никто не живет. С тех пор нас не найти на стратегических картах, мы не существуем» (П.М., Хабаровск / Горный).

Интересно, что в соседнем городке Горячие Ключи мы встречаем вариант того же сюжета, но уже объясняющий ситуацию в Горячих Ключах, где (несмотря на то что Горячие Ключи, в отличие от Горного, действующий военный городок), социальный контракт между военнослужащими и государством далек от ясности. Летом 2016 г., опять же без какого-либо предварительного обсуждения, были запрещены подсобные хозяйства жителей городка, и почти незамедлительно власть приступила к уничтожению коммуникаций, в чем узнается паттерн взаимодействия власти и граждан в Горном¹⁶.

В варианте Горячих Ключей над городом пролетал кто-то из командования округа, «им вид сверху не понравился», и они приказали снести всё то, что не соответствует официальному плану городка (на плане штриховкой также обозначены «третьи места», ситуация с магазинами там ровно та же, что и в Горном. Кафе было закрыто как незаконное временное строение, заштрихованный участок дороги – это променад от танка (памятник защитникам Итурупа) до церкви). И в том, и в другом случае персонифицированная власть находится слишком далеко, высоко (во всех смыслах) и неверно интерпретирует то, что происходит на земле. Власть сверху на них смотрит, но не видит, а они снизу не могут до нее докричаться, чтобы исправить ошибки порочно устроенной коммуникации.

Распределяемый ресурс же растворяется по дороге, – так пояснял мне свое понимание проблем Горячих Ключей и Горного один из информантов, рассказав историю про то, как его в первый раз отправили набирать солдат в часть: сначала он изучил личные дела солдат и отобрал тех, которые были нужны части; но в Хабаровске у него забрали всех и отдали других 12 человек, из этих «ненужных» 12 кого-то отбрали и заменили в Южно-Сахалинске, и на остров приехали совсем не те люди, которые были нужны части: «...с тех я просто отсчитывал нужное количество личных дел сверху стопки и забирал случайных людей» (П.М., Хабаровск / Горный).

Тем не менее жители Горного в своих стратегиях жизнеобеспечения полагаются именно на установление диалога с властью и вынужденно имитируют нормальные социальные институты. Они исправно продолжают оплачивать счета за свет и воду¹⁷, правдами и неправдами¹⁸ заре-

гистрировали официальные школу и детский сад, последний после землетрясения временно был размещен в подъезде жилого дома, где и находится до сих пор. Это стремление к формальному соответствию здесь выражено даже больше, чем в Горячих Ключах: там есть только официальное здание школы, поэтому дети дошкольного возраста либо находятся дома с матерями, либо некоторые женщины создают импровизированные «детские сады» – забирают к себе двух-трех близких по возрасту детей на три часа в день и занимаются с ними.

Эти «имитация» и «соответствие» сопряжены с колоссальными дополнительными издержками: *«Снег зимой выпадает до окна второго этажа. И вот я закрываю смену в 4 утра (И. работает ночным продавцом в магазине) и до 7 утра успеваю прокопать узенький тоннель, чтобы дети могли зайти в сад»* (И.Л., Горный); директору детского сада приходится ремонтировать детский сад, который нельзя ремонтировать и нельзя не ремонтировать: *«Была программа областная по установке пластиковых окон. Это именно то, что нам позарез нужно, но по закону я права не имею тратить муниципальные деньги на ремонт собственности МО»*. В школе ведут занятия в полном соответствии с программой, даже если в классе всего один ученик, и сверх того ведут кружки и участвуют в региональных конкурсах и олимпиадах:

*«Они нас там ненавидят все, наш город, детский сад и школу. Конечно, они пытаются убедить нас, что нас не существует, а мы приходим и берем первые места»*¹⁹ (Ю.М., Казань / Горный).

Это сочетается как с локальным, так и государственным патриотизмом, что в первом случае проявляется в разговорах о Горячих Ключах (Горный действующий был «гораздо лучше, чем Ключи», да и теперь «что там хорошего, у нас зато какой вид здесь на горы и вот океан рядом»)²⁰, а во втором – с актуальными на осень 2016 г. переговорами Владимира Путина и Синдзо Абэ. Разговоры о передаче островов или о самостоятельной эмиграции здесь непопулярны; старшее поколение мечтает уехать разве что на родину, а дети – поступить в военное училище и служить здесь (П.М.; Ю.М.; В.Б.; А.Б.; Т.М., N / Горный; В.М.; А.М.; Р.Т.; И.Л.; А.С., Горный; Ю.Ю., Горный / Москва).

Locus Imaginatum

Место видимого безвластия оказывается на поверку сильно зарегулированным пространством жизни, где большая часть материальной культуры сформирована по лекалам военного ведомства, а возможности для ее изменения минимизированы²¹. Это относится как к Горному, так и к Горячим Ключам: государство ограничивает свободу жителей острова самостоятельно компенсировать недостатки сложившейся системы. В условиях изоляции и удаленности дисбалансов в данной си-

стеме предостаточно: это и кратно завышенные цены в розничной торговле, и полное отсутствие некоторых продуктов на острове²². Описанная выше кампания против местных подсобных хозяйств в Горячих Ключах обернулась тем, что весна 2017 г. была отмечена «первой Пасхой без единого пасхального яйца», – с середины марта корабли не могли завезти продукты из-за льда вокруг острова. За видимые перемены, такие как постройка кафе или детской площадки и ремонт дома, приходится бороться в условиях экономики дефицита и политик запрета; в этих условиях существенную роль в жизнеобеспечении стали играть сформировавшиеся через Интернет сетевые структуры. Это произошло относительно недавно, с момента широкого распространения приложений – мессенджеров, феномен, который я предлагаю обозначать как «поворот к мессенджерам» (Бородулина 2018).

Сама по себе возможность интернет-коммуникации не стала даже механизмом преодоления изоляции и повышения уровня культурного потребления. В силу низкой скорости Интернета, получаемого через спутниковую связь, он использовался жителями крайне ограниченно. Невозможность сохранять паттерны потребления, с которыми они знакомились на Сахалине или материке, только подчеркивали для жителей изолированность их жизненного пространства:

«Мы не просто территориально изолированы. Мы почти отрезаны от глобальной сети. То, что является нормой для современного молодого человека – посмотреть новости, послушать музыку – этого здесь почти нет. Когда я поехал учиться в Питер, я почувствовал разницу» (И.Л., Горный).

«Это как загружать Интернет – когда кто-то из наших уезжает на материк, в отпуск или на учебу, то берет с собой хард и записывает фильмы новые и сериалы, а потом, когда возвращаешься, этот диск идет по всем товарищам. Так мы всем городком “Как я встретил вашу маму” смотрели» (А.М., Горный).

Именно мессенджеры, с их минимальным потреблением трафика, стали тем средством коммуникации, которое эффективно связало локальные и транслокальные группы Итурупа²³. С приходом мессенджеров, при доступности смартфонов, интернет-коммуникация стала существенной частью повседневности, при этом мессенджеры стали брать на себя функции, характерные для СМИ и социальных сетей. Более того, новые способы коммуникации, оказываясь преимущественно локальными, стали брать на себя и функции отсутствующих, но необходимых социальных институтов, обслуживая и создавая местные рынки сбыта для рыбаков, охотников и военных, позволяя им продавать излишки добытого ресурса.

Группы в чатах становятся субститутами отсутствующих в реальности магазинов одежды и косметики, воскресных рынков, где можно

продать самодельную выпечку, свежемороженую рыбу, домашние заготовки; через такие группы коллективно заказывают, например, косметику и одежду, создавая пространство виртуального коллективного шоппинга и преодолевая дисбалансы местной экономики. Местные чаты WhatsApp специфичны: стандартно исследователи описывают чаты в мессенджерах как соответствующие существующей в реальности малой социальной группе лично знакомых друг с другом людей (Miller 2016: 2). Группы же на острове Итуруп объединяют от 30 до 100 с лишним человек, где далеко не все участники связаны личным знакомством; информанты часто подписаны на 5–10 групп с ежедневной активностью, часть из которых удовлетворяет их потребности в преодолении социальной изоляции, а часть используется для решения практических вопросов. Существуют и метагруппы, своеобразные самообновляемые реестры локальных чатов (например, чат «ссылки сахалин-65»), в которых публикуются только ссылки-приглашения в группу, чаще всего от администраторов данных групп; это позволяет находить нужные чаты в регионе. Постоянная активность в чатах помогает решить проблему отсутствия публичных пространств, таких как кино, кафе, клубы, где горожане могли бы общаться (чаты «поговорим», «девчонки итуруп», «лясим-трясим»). Сами названия подразумевают нацеленность на удовлетворение потребности в общении, на приглашение к диалогу; часто это именно женские группы (что также видно из названий) или смешанные группы с большой пользовательской активностью женщин, так как именно они, в отличие от имеющих регулярные контакты на работе / службе мужчин, испытывают проблему исключенности из социума. Во время тайфунов женщины с детьми часто остаются изолированными в пределах собственной квартиры, и выход в чат становится единственно доступным способом социального контакта.

Интересен случай, когда групповой чат, который изначально имел функции городского рынка и доски объявлений, превратился в виртуальный городской форум, площадку для обсуждения и решения насущных проблем городка. Это примечательный кейс, который показывает, что чаты в мессенджерах могут становиться дополнительным инструментом консолидации и даже местного самоуправления. В ноябре 2017 г. в Горном произошла авария в отопительных коммуникациях²⁴, а попытки жителей согреться с помощью электрорадиаторов в один момент привели к общему инфраструктурному коллапсу. Местный групповой чат «Форум, объявления. Говорят» стал виртуальным местом схода городских активистов для решения этой проблемы, которая требовала выработки общей позиции для общения с министерством обороны и районной администрацией, а также со СМИ, которые в свою очередь помогали привлечь внимание к данной проблеме. В чат были включены и неместные активисты, и журналисты с Сахалина; группа

достигла максимального для приложения числа участников в 256 человек и «на добавление еще очередь человек в 30, постоянно кого-то удаляют и добавляют» (В.М., Горный).

Таким образом, сопротивление ограничениям, которые ставят властные структуры перед попытками жителей сформировать свои способы самообеспечения, эффективно реализуется в относительно невидимой для этих структур среде интернет-коммуникаций. При этом названные виртуальные закрытые форумы в итоге накапливают потенциал для использования рычага публичности, который может вынудить акторов от государства вернуться к прерванному диалогу.

Заключение

Горный, при всей уникальности сложившейся там ситуации и драматичности происходящих событий, показывает универсальные тенденции для современного Российского государства в условиях сокращения ресурсной ренты; исключение из цепи распределения ресурсов не происходит плавно, с учетом жизненных потребностей элиминированного населения, но, напротив, жестокие акции (как описанные взрывы домов или уничтожение подсобных хозяйств) ставят своей целью вынудить граждан самим выйти из договора «обеспечение в обмен на лояльность», который действует на ограниченной территории, маркированной как «северная» и «военный городок». Часть населения оказывается готовой отстаивать свои «права на привилегии» даже в экстремальных условиях магнализированного города, и продолжает «воскрешать» город-призрак через установление городских институтов вроде общеобразовательной школы и детского сада, продолжая жить в едва пригодных для жизни домах. Закрытое место, которое из места счастья стало местом терпения и страданий, сохраняет свой витальный потенциал за счет конструирования образа светлого прошлого и стремления оправдать потраченные усилия, так как становление места счастья на всем протяжении существования военного городка было связано с ситуациями преодоления. В ответ на жесткие ограничения свободы местных жителей в создании институтов самообеспечения и корректировки дисбалансов закрытой изолированной экономической системы возникают новые практики, в том числе и с участием цифровых технологий («поворот к мессенджерам»), которые позволяют преодолевать экономические дисбалансы в условиях ограниченных ресурсов и изолированности, а также дают сообществам дополнительный инструмент консолидации, который может быть использован для установления нового социального договора.

Благодарности

Автор благодарит Д.А. Функа за научное консультирование, а также Олега Климова, Юлию Мухину, Влада Мухина и Викторину Бородину за

помощь в организации полевой работы. Исследование выполнено в рамках проекта «“Ресурсное проклятие” на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп» (грант РНФ № 15-18-00112).

Примечания

- ¹ В качестве примеров: север и юга острова (столица Южно-Сахалинск и крупный нефтедобывающий город Оха) не связаны ни асфальтированной, ни железной дорогой; соседний с газоперерабатывающим заводом СПГ город Корсаков использует угольное отопление.
- ² В России ряд территорий, на которых могут находиться как гражданские, так и военные поселения, ограничен для посещения, разрешение выдается пограничным контролем как внутренняя виза на основании заявления. В соответствии с Приказом ФСБ России от 26 октября 2016 года № 644 «О внесении изменения в пункт 1 приказа ФСБ России от 14 апреля 2006 года № 149 “О пределах пограничной зоны на территории Сахалинской области”» ограничены для посещения все населенные пункты о. Итуруп, кроме г. Курильск.
- ³ На острове по стандартному проекту строили сейсмоустойчивые дома, поэтому после землетрясения они были абсолютно пригодны для проживания, что подтверждают информанты. Люди оставались по разным причинам: часть людей согласилась переселиться в деревянные дома в соседнем поселке, которые и были разрушены при очередном землетрясении, после чего они вернулись в свои прежние квартиры уже как сквоттеры (Л.Т., Шымкент / Горный); некоторые предпочли остаться жить в своих домах, а полученные квартиры продать или отдать детям (С.Т., Одесса / Горный); часть людей до сих пор стоит на очереди на получение квартиры; остальные стремятся оставаться на острове столько, сколько необходимо для получения северной пенсии; так или иначе, город существует.
- ⁴ Курильские острова юридически приравнены к районам Крайнего Севера по постановлению Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029.
- ⁵ Помимо обозначенных военных поселений, на острове есть административная столица г. Курильск и поселок Рейдово. Согласно переписи населения 2010 г., плотность населения о. Итуруп 1,9 чел./км².
- ⁶ Для получения пропуска в пограничную территорию необходимо обосновать причины посещения и перечислить все населенные пункты, в которые вы запрашиваете въезд; таким образом, пропуск дается не на всю пограничную зону, а на каждый отдельный остров. В моем полевом опыте это, однако, не было связано с какими-либо значительными трудностями, и недоступным данное поле окажется преимущественно для иностранных исследователей.
- ⁷ В 5 100 руб. обходится жителям о. Итуруп поездка на соседний остров Сахалин в одну сторону (субсидированные билеты для тех, кто имеет местную «прописку»); полет на материк добавит к этой сумме еще 25 тыс. руб. Для всех остальных билеты на Итуруп с осени 2017 г. стоят 16 тыс. руб.
- ⁸ На Сахалине никогда нельзя быть уверенным, что ты улетишь в тот же день, что написан в билете. Некоторые время назад нормальной практикой было недельное ожидание вылета в аэропорту. После строительства нового «всепогодного» аэропорта время ожидания сократилось, а авиакомпания взяла на себя обязательства по расселению пассажиров в гостиницы до времени вылета. Система распределения мест в гостиницах между пассажирами является отдельным интереснейшим кейсом, демонстрирующем представления о справедливости и практическую реализацию этих представлений – речь идет о «моральной экономике дефицита». В случае от-

мены рейса представитель авиакомпании должен распределить места в гостиницах среди пассажиров, которым задержали рейс. Места в гостинице – это классический ограниченный ресурс, который должен быть распределен между нуждающимися «по справедливости». Те, кто имеет свое жилье в Южно-Сахалинске, самоустраиваются от раздела. Первыми пропускают пожилых и пассажиров с детьми, людей с ограниченными возможностями. Следующими распределяются места между семейными парами. И только в самом конце, если остаются места (количество мест никак не коррелирует с количеством пассажиров, так как невозможно предугадать, сколько рейсов в день будет задержано и сколько пассажиров на этих рейсах будут нуждаться в размещении, а держать бронь на всех пассажиров экономически невозможно) расселяются молодые люди, летящие по одиночке или с друзьями. При этом престижность гостиниц возрастает от первых пассажиров до последних, которые рискуют или остаться без мест, или получить наилучшие варианты из возможных. Последнее объясняется экономически – компании выгоднее распределить сначала дешевые номера, так как есть вероятность, что дорогие останутся невостребованными.

⁹ Я использую здесь расхожие советские лозунги, но этим идеологемам соответствовали реальные практики: так, информанты, участвовавшие в строительстве военных городков, упоминали, что первое время приходилось жить в землянках и строить сначала боксы для машин, а затем только жилые дома, так как необходимо было «быть в постоянной боевой готовности».

¹⁰ Л.М. переехала в Горный в 1983 г.

¹¹ Дверные проемы и ванны комнаты считаются самыми безопасными при землетрясениях и взрывах.

¹² См. Олег Климов. Город-призрак на Курилах. Жизнь военного городка на острове Итуруп. <https://meduza.io/galleries/2016/01/19/gorod-prizrak-na-kurilah>.

Благодаря моему знакомству с Олегом Климовым на Сахалине в предыдущий год работы по гранту и стали возможны моя поездка в поселок Горный и, в итоге, это исследование.

¹³ В 2016 г. здесь проходил форум Итуруп, и много медийного внимания было уделено обсуждению миллиардных инвестиций, проектов «ноосферного развития» Итурупа и т.п. См.: Криминальный Сахалин и ноосферный Итуруп – обзор СМИ. <https://regnum.ru/news/2232873.html>

¹⁴ Шойгу сообщил о строительстве военных городков на Итурупе и Кунашире. <http://www.interfax.ru/russia/482553>

¹⁵ В 2004 г., в момент описываемых событий, глава Министерства обороны.

¹⁶ Люди утверждали, что им даже не дали возможности собрать вещи и вынудили уничтожить кур и единственную корову: См.: Мы вас всех повыгоняем, всех сгоняем с земель. Анна Бойцова для Гриффон. <https://www.griffon.media/articles/6/10/2016/soldiers-occupy-the-Kurils>

¹⁷ На мой вопрос о том, как могут предоставляться официальные услуги в здания собственности Министерства обороны, которое эти дома не обслуживает, и значит, контрактов на обслуживание ни с какими организациями не заключало, информанты затруднились ответить (Ю.М., Казань / Горный, И.Л., Горный, Л.Д. Дербент / Горный). Если бы Министерство обороны обслуживало эти дома, то счета бы все равно не приходили, как это происходит в Горячих Ключах. Там в доме, где я жила, никогда не выключался свет в ванной, на кухне и в туалете... «чтобы лампочки не перегорали».)

¹⁸ Очевидно, здания бывшей казармы, где расположилась школа, и подъезды жилого дома не удовлетворяют санитарным нормам для детских учреждений, и директора рассказывали о серии инцидентов с «проверками».

¹⁹ В этом году именно ученик из Горного, В.М., был выбран для поездки на Олимпиаду в Сеул от Курильского района по результатам собеседования на английском языке.

- ²⁰ Локальный патриотизм проявлялся и в обсуждении мной с информантами фотоистории Олега Климова: жители были расстроены, что их жизнь была показана слишком мрачно и однобоко, что усилилось стилистикой черно-белых фотографий. Они не столько видели пользы в том, что такая подача сможет привлечь внимание к их положению, сколько придавали значение чувству, что они ведут здесь достойную жизнь. В подтверждение они рассказывали свои о «романтическом хорошем», которое происходит здесь за видимой бытовой неустроенностью: как в прошлом году военные по просьбе местных мужчин привезли целый вертолет цветов, чтобы те могли поздравить женщин с 8 марта, о взаимопомощи, походах в горы, рыбалке и т.п.
- ²¹ Из относительно самодельных построек в Горном только гаражи, магазин из контейнера и баня из цистерны.
- ²² Я знала, что на остров нужно привезти продуктов, но не догадывалась, что самым востребованным окажется кефир: как и многие другие скоропортящиеся продукты, торговые точки просто не завозят его на остров.
- ²³ Широкое распространение мессенджеров представляется нам как «взрыв» интернет-активности в не слишком благоприятной для развития интернет-коммуникаций и в особенности мобильного Интернета, среде, который стал возможен благодаря «легкости» в отношении потребления трафика приложения WhatsApp. В опыте моего полевого наблюдения мобильная связь на острове была крайне нестабильна (оптоволокно отсутствует, в некоторых учреждениях есть дорогой спутниковый Интернет. В массе люди пользуются именно мобильным Интернетом. Эмпирические наблюдения были подтверждены анализом высказываний о качестве на локальных форумах sakh.com и drom.ru.
- ²⁴ См.: Село Горное на Курилах вновь осталось без тепла <https://astv.ru/news/conflict/2017-11-27-selo-gornoe-na-kurilah-vnov-ostalos-bez-tepla>

Источники

Полевые материалы автора (ПМА 2016). Указаны инициалы информанта и город проживания; если город рождения отличается от города проживания, то они даются по схеме «город рождения / город настоящего проживания».

«Курилы в судьбах и лицах». МБДОУ детский сад «Аленький цветочек», 2016 г., буклет, электронный экземпляр (из архива автора).

Литература

- Бородулина А.С. «Поворот к мессенджерам»: кейс Сахалинской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1 (143). С. 156–172.
- Bohn T.M. Das sowjetische System der “geschlossenen Städte”. Meldewesen und Wohnungsmangel als Indikatoren sozialer Ungleichheit // Friedrich Lengler, Klaus Tenfelde (Hrsg.). Die europäische Stadt im 20. Jahrhundert. Wahrnehmung – Entwicklung – Erosion. Köln, 2006. S. 373–385.
- Fulbrook M. Anatomy of a Dictatorship: Inside the GDR, 1949–1989. Oxford University Press, 1997.
- Heldmann Ph. Negotiating Consumption in a Dictatorship: consumer politics in GDR in the 1950s and 1960s // Politics of Consumption: Material culture and citizenship in Europe and America / ed. M. Downton, M. Hilton. Oxford, 2001.
- Kutepova N., Tsepilova O. A Short History of ZATO // Michael Edelstein, Maria Tysiachniouk, Lyudmila V. Smirnova (eds.). Cultures of Contamination: Legacies of Pollution in Russia and the U.S. Amsterdam and Oxford, 2007. P. 148–149.
- Miller D. et al. How the World Changed Social Media. 1st ed., vol. 1. London, UCL Press, 2016.

Zaslavsky V. *The Neo-Stalinist State. Class, Ethnicity, and Consensus in Soviet Union*. Armonk, NY, 1982. P. 130–164.

Статья поступила в редакцию журнала 27 ноября 2017 г.

Borodulina Alevtina S.

THE “RESOURCE CURSE” AND LIFE STRATEGIES ON THE ISLAND OF ITURUP

DOI: 10.17223/2312461X/20/7

Abstract. The article explores the politics and practices of consumption in quasi-closed military border towns, both operating and disbanded, in the Kuril Islands. Located in remote territories of the same status as the Far North areas and isolated both formally (with an internal visa regime in place) and geographically (low transport accessibility), these towns from the very beginning found themselves heavily dependent on resources from the centre. The island’s good old times remembered by respondents saw the situation when the resources were allocated in return for loyalty. The post-Soviet period, however, has witnessed the transformation of social contract, reduced resource allocation and adaptation of the local population to new patterns of the latter, as well as changes in local consumption practices and the development of new life strategies. A part of the adaptation process has been constituted by cooperation enhanced by digital tools, which the author suggests should be called the “messenger turn”. To a greater or lesser degree, this turn is characteristic of the whole of the region and is particularly clearly seen from the cases under consideration in the article. In the studied cities of Iturup unique quasi-market relations are being built by the local population; and certain conflicts can be observed here between civilians, the military, and the locals over emerging consumption practices and resources.

Keywords: Sakhalin and the Kuril Islands, military towns, closed societies, resource curse, life strategies, the politics of consumption

References

- Borodulina A.C. «Povorot k messendzheram»: keis Sakhalinskoi oblasti [The messenger turn: the case of the Sakhalin region], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2018, no. 1 (143), pp. 156-172.
- Bohn T.M. Das sowjetische System der “geschlossenen Städte.” Meldewesen und Wohnungsmangel als Indikatoren sozialer Ungleichheit. In: Friedrich Lengler, Klaus Tenfelde (Hrsg.). *Die europäische Stadt im 20. Jahrhundert. Wahrnehmung – Entwicklung – Erosion*. Köln et al., 2006. S. 373-385
- Fulbrook M. *Anatomy of a Dictatorship: Inside the GDR, 1949-1989*. Oxford University Press, 1997.
- Heldmann Ph. Negotiating Consumption in a Dictatorship: consumer politics in GDR in the 1950s and 1960s. In: *Politics of Consumption: Material culture and citizenship in Europe and America*. Ed. M. Downton and M. Hilton. Oxford, 2001.
- Kutepova N., Tsepilova O. A Short History of ZATO. In: Michael Edelstein, Maria Tysiachniouk, Lyudmila V. Smirnova (Eds.). *Cultures of Contamination: Legacies of Pollution in Russia and the U.S.* Amsterdam and Oxford, 2007, pp. 148-149.
- Miller D. et al. *How the World Changed Social Media*. 1st ed., vol. 1. London, UCL Press, 2016.
- Zaslavsky V. *The Neo-Stalinist State. Class, Ethnicity, and Consensus in Soviet Union*. Armonk, NY, 1982, pp. 130-164.